

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

**ЕВГЕНИЙ МОСЯГИН
МОЛИТВА ПЕРЕД
МАДОННОЙ В
БРАТИСЛАВСКОМ КОСТЕЛЕ**

В готическом гордом чертоге
Вдали от заботы мирской
Вечные мысли о Боге
Владеют смиренной душой.

Горят ритуальные свечи,
Как много столетий назад.
Смолкают здесь бойкие речи,
Мудрее становится взгляд.

Здесь движутся чинно
и строго,
Здесь царствуют мир и покой.
И люди здесь молятся Богу
С надеждой и тихой слезой...

Я тоже бывал в этом храме
И сердцем хотя не скорбел,
Но в очи Божественной Даме
Я с робостью тайной смотрел.

Мадонна, мои прегрешенья
Прости со своей высоты,
Но помыслы и свершенья
Мои пред тобою чисты.

И если я в чем-то порочен,
То может быть только лишь
в том,
Что я преклонялся не очень
Пред вечным Святым Алтарем.

Но силы жестокого века
В большой и несчастной
стране
Заставили жить человека
От Веры Святой в стороне.

По долгу же христианина
Я жизнью готов послужить,
Чтоб муки распятого сына
Перед тобой искупить...

Я верю великой печали...
Но сколько сейчас матерей,
Что даже могил не видали
Погибших своих сыновей.

Им нет утешенья на свете,
Им до века горько страдать.
Ведь их убиенные дети
Не смогут из мертвых восстать.

**ВЯЧЕСЛАВ КОРЫТКО
ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ**

Играют радуги на небе,
Пьют воду теплую реки,
И от нее взмывает лебедь
К высотам верности любви.

И в этом устремленье чудном
К вершинам разноцветных дуг
Сверкают крылья
перламутром,
И с поднебесья льется звук.

И слышна в песне лебединой
Тоска разлуки навсегда.
С своей избранницей единой
Днем с неба падала звезда.

**МАЙ ВЛАДИМИРСКИЙ
Памяти Ильи Швеца
посвящается**

Поэты как птицы –
поют и мечтают
О том, что когда-то они
улетают
С гнезда родового,
что б в срок возвращенья
О них не забыли и
в день их рожденья.
Вы слушали пенье,
не мучаясь мыслью:
О том, как расстались
с божественной высью
Их крепкие крылья,
и голос их звонкий,
И след их в пространстве
невидимо тонкий.

**МИХАИЛ ВОЛИКОВ
ОСЕНЬ**

Простуженный, унылый,
Глядит на поле лес,
Где скрды свои спины
Все тянут до небес.
А дождь опять в работе,
Летит последний лист.
Так в будничной заботе
И пролетает жизнь.
От осени до лета,
Как от тепла и слез,
Там годы наши где-то.
А ты, чего не ждешь?

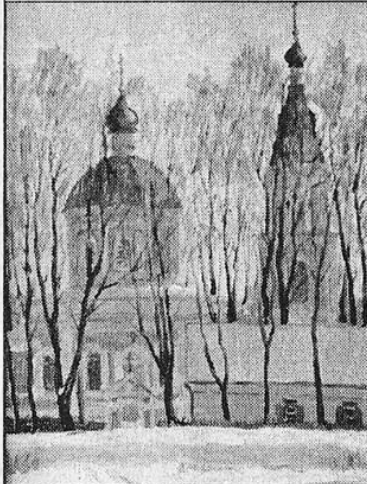
**МАРИЯ МУХИНА
АВГУСТ**

Август мучительно долгий
В сердце пронзенный стрелой,
Воздух прозрачный и тонкий,
Словно озоновый слой.
Руки мои пахнут ядом,
Тем, что с тобою пила.
Вот она рядом, так рядом
Та голубая стрела,
Пронзившая август разрядом.

**ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВА
НОСТАЛЬГИЯ**

Как хочется по-детски
рассмеяться,
Как хочется по-взрослому
любить.
Не хочется с друзьями
расставаться,
Не удаётся прошлое забыть.

И настоящее порою затмевая,
И тяжким грузом сердце
давит нам,

К. Попов.

«Храм в Новозыбкове».

Всем существом овладевая,
И бьет по нашим же годам.
Мы здесь... На Родине своей,
Что там? –
Остались лишь могилы,
Да и не пел там соловей,
А здесь родное, и все мило:
Земля, леса, родные лица,
И церковь куполом блестит.
Ведь прошлое нам только
снится,
И настоящее – дарит.

**АНТОНИНА РАДЧЕНКО
ДОЖДЬ В АВГУСТЕ**

Нудная, косая долгота
Посбивает листья с тополей,
Я увижу: лето из кувшина
Поливает мокрый Водолей.

Разурмянив на рябине гроздь,
И, храня ее для снежирей,
Август-месяц,
запоздалый гость,
Прилетел с уборочных полей.

И, убавив в клумбах
пестрый цвет,
В прядь листов, как кистью,
капнув хну,
Сушит ветром лету волоса,
Обернув в тумана пелену.

Опускаясь в днеи круговорот,
Лето чуть подсохнет и уйдет...
Грустный дождь, как маленький
ребенок,
По карнизу ноготком скребет.

**ЛЮДМИЛА СТАРОДУБЕЦ
ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ**

Ветви береза купала в реке,
Золото кленов кружилось
в воде.
Солнечным небом
сверкала вода,
Листья деревьев
шептали: «Пока».

Грустно прощались с летом
кусты:
Лето, уходишь?

Холодно, зябко нам на ветру,
Снегом засыплет земли
красоту.

Станет стеклянной
речная вода,
Небо поблекнет, будет – зима.
Голыми станут деревья, кусты.
Грустно, печально. Не уходи!

**ВЛАДИМИР КУХАРИШИН
ВСЁ ПРОЙДЁТ**

Всё пройдёт, заживёт.
Очень многое даже
не вспомнится.
Всё изменится так,
что и сам не сумеешь узнать.
От поэзии чувств остаётся
тулая бессонница,
Та бесплодная боль,
для которой ложишься
в кровать.
Бесплодная боль, как всегда,
не дающая спать.

Всё сотрётся, как мел,
закружится разводами белыми,
И по новой опять сколько
хочешь пиши на доске.
Остроглазый Амур
поразит ядовитыми стрелами,
И ударит Господь по
подставленной солнцу щеке.
И ударит Господь,
и останется кровь на виске.

Время всех исцелит,
безнадёжных предаст эвтаназии.
Ну, не всё ли равно,
как избавить живое от мук?
В заколдованном сне
вплотятся земные фантазии,
И в который уж раз
разорвётся и свяжется круг.
На земле и над ней
не бывает бессрочных разлук.

Сгинет в адском огне и
воскреснет небесная конница.
От минувших потерь
не останется даже следа.
Не грусти и не плачь –
всё пройдёт,
не успеешь опомниться,
И, сменившись другой,
удалится былая беда.
Та ж, оставшись с тобой,
не изменит уже никогда.

**ДМИТРИЙ ТОЛКАЧ
ПОВЕРЬ, ПЕЧАЛИТЬСЯ
НЕ СТОИТ...**

Когда уныло ветер воеет,
Когда на сердце тяжело,
Поверь, печалиться не стоит, –
Не навсегда тепло ушло.

Хоть зелень листьев осень смоет,
Раскинув серое крыло,
Грустить о лете нам не стоит, –
Не навсегда тепло ушло.

Пусть небо тучами закроет,
Пусть увядание пришло,
Надежду нам терять не стоит, –
Не навсегда тепло ушло.

«Падают листья».
Фототюд И. Барсукова.

Ключим снегом пусть покроет
Все то, что некогда цвело, –
О том печалиться не стоит, –
Не навсегда тепло ушло.

Поверь, повеет теплый ветер
И обласкает все вокруг,
Поверь, настанет дивный вечер,
И ты придешь ко мне, мой друг.

И ярче звезды засияют
Опять у нас над головой,
И снова зелень облетает
Деревья нежною листвою.

И лепестки закружат снежно
Вновь с ожерелия цветов,
И снова мне прошепчешь
нежно:
«Возьми меня, моя любовь».

**ЮЛИЯ ЦЫРКУН
ОСЕННИЙ ЭТЮД**

Лукошко с грибами
и сочная нить,
Лозы виноградной аккорд,
Сентябрь первозданно
сумел сочинить
Осенней поры натюрморт.

Горит, пламенея,
ритмично красив
Рябиновых бусин узор,
И листья, кружась,
составляют мотив,
Коллажа цветастый ковер.

Заплакало небо ноябрьским
дождем,
Размыта дождем акварель.
Этюд не закончен,
весну подождем,
А может – продажу, в апрель.

**ГАЛИНА ОРЕХОВА
ОСЕННЕЕ**

А осень-то стала уже золотая,
Вот ветер, порывом листву
поднимая,
Несет по дороге, с дороги –
на двор,
И вот под ногами
роскошный ковер.

О, золото осени! Грусть
золотая.
О чем кричат птицы,
на юг улетаю?
И ветер сорвался,
летит на простор,
И ветром кружит
многоцветный ковер.

Уже улетела последняя стая,
Осыпалась тихо листва
золотая.
О чем мы тоскуем,
о чем мы вздыхаем?
О лете прекрасном
с тобой вспоминаем...

Устало вздыхая,
природа смолкает
И тихо седую зиму поджидает.

АРТУР ВАГАБОВ

От чужой до родной – этажи,
Не четыре,
а целых двенадцать.
Если любишь, то так и скажи,
Только взвтит над сердцем
смеяться.

Никогда не попросишь тепла,
И словам моим тихим
не веришь.
Безнадежно, в глаза солгала,
Пополам будто слезы
разделишь.

Вдохновение мое –
скудный свет,
Не прощаясь со мной
расстаешься.
Ты – чужая, меня с тобой нет,
На «люблю», притворясь,
улыбнешься.

**ЛЕОНИД ШЕМЕЛЕВ
КАЛИТКА**

Помню поцелуй твои робкие
И калитку старую твою,
Помню все исхоженные тропки,
Помню все до боли и люблю

Нет милее в жизни
тех тропинок,
Тех неповторимых юных дней,
И, так потемневшей
от дождинок,
Мне калитки старенькой твоей.

К старенькой калитке,
потемневшей,
Я ночной порою приходил.
С головою, друг мой,
поседевшей,
И с тоскою в сердце уходил.

Уходил, чтоб снова возвратиться
В одиночестве с тобою
постоять.

К старенькой калитке
прислониться,
Нежно, нежно Вас поцеловать.

Нет тебя. О встрече
лишь мечтаю.
Встреча будет, милая моя –
Завтра снова друг мой,
уплываю.
Жди меня, калиточка моя.

**Александр КОЛМАКОВ
РАССКАЗ
ПО ГРИБЫ...
С ЛЕСТНИЦЕЙ**

Однажды, солнечным сентябрьским утром, в понедельник, когда сама природа, словно не хочет прощаться с теплым летом в преддверии осенних дождей и холодов, и как последний глоточек чистого воздуха, посылает нам бабье лето. Собрались мы в гараже на пятиминутку. А разговор тогда зашел у нас не о машинах. Да что машина – железка и только. Разговаривали мы о грибах. Ребята водители – нардец лихой, неутомимый, знающий все тропинки, дорожки, уже навозили не по одному ведру и лукошку даров леса. Теперь хвастались, перебивая друг друга, кто больше заготовил белых, кто маслят, груздей да рыжиков, а кто – опять. Лишь механик сидел какой-то угрюмый и неразговорчивый.

- Ну а ты, что молчишь, – спрашивают у него, – ездил в лес-то в выходные?

- Да, ездил, только вот спина, плечи, поясница – словом все тело болит. Зато опять привез вместе с братом два мешка.

- Ну расскажи, Степанович, как тебе удалось такой урожай добыть? – Заинтересовались водители.

- По-ехали мы утречком в березнячок, что тут неподалеку. Там на пенях, да на стволах березок о п я т столько, что вовек не собрать. Ну, мы и вошли в а з а р т. С п е р в а собирали грибки, что растут на пенях, затем стали срезать со стволов, но и того показалось мало – уж брать, так брать. Ну, я и говорю братцу: «Залазь-ка ты ко мне на плечи, да срезай с берез там, где с земли не достанем».

Здесь я должен заметить, что Степанович – мужик высокий, полноватый и тяжелый, килограмм сто веса, даже с лишком будет. Почти такой же у него и братец. - Ну, вот значит, – продолжал Степанович, – потаскал я братишку так на себе, а сегодня состояние такое, что ни рукой, ни ногой шевельнуть – все болит. - Степанович, а ты в следующий раз с собой бери лестницу, – посоветовал кто-то из шоферов, – я всегда так делал. Не высококую, – метра два вполне достаточно.

Что же, на том и разошлись. Минула с того дня неделя. В понедельник вновь заговорили о грибах: - Ну, мужики, и дали вы совет. - Да в чем дело, Степанович?, – все уже поди и забыли про разговор недельной давности. - Едем мы вчера с братом в тот же березняк, сверху на багажник своего «жигуленка» привязали лестницу-стремянку, другой не нашлось. Опять нарежали три мешка, а на обратном пути останавливает нас гаишник. Проверил документы, багажник и спросил, где мы рвали яблоки, в колхозном саду, что ли? Собрался писать протокол.

- Не яблоки, а грибы собирали, – пытаюсь объяснить инспектору.

- С лестницей!? – спрашивает сержант.

- С лестницей, весело отвечаю я.

Потом развязываю мешки – один, второй, третий, а там – опять... Сержант посмотрел на грибы, потом на меня, потом на брата, потом на лестницу: - Товарищ водитель, пройдемте со мной! С вами все понятно!

Тут Степанович достал из золоченого портсигара сигарету, повертел в руках, закурил, затыкнул и выпустил из ноздрей сизый дымок.

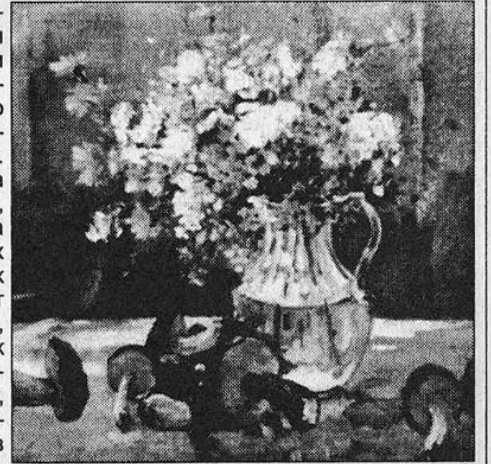
- Что было дальше, Степанович? – наперебой стали спрашивать водители, – расскажи. - А дальше заставил он меня в трубку дышать, думал, что я пьяный. Потом, видимо решив, что мы психи, отпустил нас восвояси, покрутив пальцем у виска. Вот и вся история.

Едва механик закончил последнюю фразу, в гараже раздался такой дружный хохот, что, казалось, обрушится потолок и рухнет стены, а у стоящих автомобилей вот-вот выпадут, или треснут стекла.

- Степа..., Степа..., Степанович! – едва выговори сквозь смех инициатор идеи, - Я..., я..., я же пошутил, Степанович! Ты уж на меня не обижайся. Больше не буду!

- Да ну вас всех! – только и смог пробормотать сконфуженный механик, после чего плюнул, растоптал окурок и пошел подписывать наряды.

А за грибами с лестницей никто больше из дружного коллектива нашего ни разу не ездил. Но вспоминали об этом случае до самой зимы, вызывая недовольство и конфуз механика Степановича.

П. Чернышевский.
«Натюрморт с грибами».